

УДК 821.161.1.09

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.03

О.А. Павлова

Социокультурная среда декаданса как основа миромоделирования в «Senilia» И.С. Тургенева

Статья содержит концептуальный сравнительный анализ романтического и декадентского типа творчества. Автор статьи доказывает, что миромоделирование в «Senilia» основывается на тургеневском переосмыслении канонов романтической поэтики в контексте системы идей и ценностей декаданса как миропонимания, выразившего актуальные социокультурные тенденции развития российской истории 1870–1880-х гг.

Ключевые слова: декаданс; менталитет; пантеизм; контрапункт; лейтмотивы.

Размышляя о специфике методологии исследования литературного процесса, Ю.Н. Тынянов справедливо сравнивает «положение истории литературы... в ряду культурных дисциплин» (курсив наш. — О. П.) с «положением колониальной державы», отъединенной от «живой современной литературы», с одной стороны, «проблемами авторской психологии», а с другой — «упрощенным каузальным подходом к литературному ряду», базирующимся на «теории ценности». По его мнению, аксиологический подход схематизирует модель литературного процесса и «вопрос о литературной эволюции» подменяется «вопросом о генезисе литературных явлений», а «история литературы превращается в вид “истории генералов”» [14, с. 270]. Противостоять субъективности оценок и эклектике в литературоведении, по мнению критика, возможно только, если «заранее условиться в том, что литературное произведение является системой, и системой является литература», причем системой, исторически вписанной в контекст «соседних культурных, бытовых в широком смысле, социальных рядов» [14, с. 270–271].

Оставим за скобками тот факт, что статья была создана Ю.Н. Тыняновым в 1927 г. и в ее концепции нашли отражение теоретико-методологические искания русской формальной школы. Для нас сейчас наиболее важно то, что кризис формальной теории критик пытается преодолеть через постулирование методологической целесообразности принципов *системности* и *контекста социокультурной среды*, т. е. значительной «роли соседних рядов в литературной эволюции» [14, с. 271]. Эти методологические принципы актуальны для современной эпистемологической модели, в которой доминируют мультипарадигмальные науки.

В филологических изысканиях, посвященных творчеству И.С. Тургенева, принципы системности и контекста социокультурной среды реализуются в двух методологических моделях исследования художественного наследия писателя. Первая модель проявляется в целостно-системном исследовании жанровой поэтики произведений И.С. Тургенева (труды С.М. Аюпова, А.И. Батюто, И.А. Беляевой, Г.А. Бялого, Н.А. Вердеревской, Л.Н. Гареевой, Н.П. Генераловой, Э.М. Жилияковой, Н.А. Захарченко, М.М. Кедровой, А.Г. Колесникова, М.В. Кузавовой, Г.Б. Курляндской, В.М. Марковича, А.Б. Муратова, Н.В. Николаенко, П.Г. Пустовойта, Г.М. Ребель, И.А. Семухиной, Г.А. Тиме, С.Е. Шаталова, И.Ш. Юнусова и др.). Вторая модель реализуется в комплексном, синтезирующем исследователские методы различных гуманитарных наук, подходе к творчеству И.С. Тургенева (работы Е.Н. Беляковой, Н.А. Воскресенской, Ю.А. Гимрановой, О.Г. Егорова, И.Л. Карантеевой, О.В. Свахиной, И.Н. Тишиной и др.). Наиболее востребованным методом комплексного подхода к творчеству И.С. Тургенева является культурологический метод, позволяющий аргументированно показать значимость социокультурного контекста при интерпретации поэтики произведений. Нам представляется целесообразным и продуктивным использование этого метода при исследовании поэтики такого сложного жанра, как стихотворения в прозе, в работах В.М. Головки, Е.А. Киселевой, О.Б. Першукевич, М.С. Рыбиной, Г.Б. Трофимовой и др.

Действительно, в социокультурной российской среде конца 1870–1880-х гг. происходили экономические, идеологические, духовно-интеллектуальные изменения, выразившиеся в трансформации ментальной модели мира. Эта трансформация заключалась в появлении декадентских настроений, явившихся реакцией на кризис рационалистической философии, классической науки, народнической идеологии, ценностей христианства и миметических искусств. Несомненно, эпоха «декадентствующего Серебряного века» [9, с. 5] с ее космизмом, спиритизмом, оккультизмом и волюнтаризмом «декадентов», «теургов», акмеистов и футуристов еще не наступила. Но В. Соловьев, метафизические работы которого вдохновят будущих символистов, в 1878 г. выступает с публичными «Чтениями о Богочеловечестве»; Л.Н. Толстой с восторгом читает труды идеолога западноевропейского декаданса А. Шопенгауэра; А. Фет начинает переводить «Мир как воля и представление».

В связи с процессами сближения литературы с философией и интеллектуализации словесного творчества в России 1870–1880-х гг. представляют интерес работы, содержащие исследование генезиса мировоззренческой позиции И.С. Тургенева, истолкованной в контексте системы ценностей социокультурной среды, его окружавшей. Так, характеризуя социально-философскую концепцию писателя, В.М. Головки систематизирует духовно-интеллектуальный контекст эпохи ее возникновения, отметив «принципиальные точки соприкосновения» мировоззренческой позиции Тургенева как со «сторонниками „дворянского либерализма“ 1850–1870-х годов», так и с «теоретиками легального народничества» [5, с. 10, 14]. Исходя из справедливого утверждения,

что «европейская культура сыграла очень большую роль в становлении и развитии Тургенева как философски мыслящего писателя», В.М. Головки демонстрирует влияние натурфилософских идей И.В. Гете на тургеневское понимание «тождества Бога и Природы» [6, с. 10–12]. Вопросы метафизики и оккультного, эзотерического знания, обусловленные кризисом христианства, будут чрезвычайно популярны в эпоху декаданса. Но интерес к ним уже явственно обозначен в позднем творчестве И.С. Тургенева. В связи с этим далеко не случайно, что в начале XX в. М.О. Гершензон искал истоки тургеневской натурфилософии в «метафизике Востока» [4, с. 64]; П.Н. Сакулин обнаружил в писательской позиции И.С. Тургенева влияние «виталистических идей». Под «витализмом» он понимал не только учение о наличии в живых организмах сверхъестественной силы («энтелехии», «археи»), дающей жизненную активность всему существу, но и учения о «воле к жизни» Шопенгауэра и «учение о воли к власти» Ницше [12, с. 97].

Впоследствии влияние идей Шопенгауэра на мировоззрение И.С. Тургенева было исследовано А. Валицким, В.М. Головки, Е.А. Киселевой, Т.Б. Трофимовой и др. Однако, «указав на присутствие Шопенгауэра в “Стихотворениях в прозе”» [7, с. 152], филологи пришли к диаметрально противоположным выводам. Если западные ученые констатировали безусловное влияние циклизма и витализма Шопенгауэра на мировоззрение позднего И.С. Тургенева, то мнения отечественных исследователей разделились следующим образом: В.М. Головки доказал полемическое отношение И.С. Тургенева к Шопенгауэру; Е.А. Киселева, отметив, что у И.С. Тургенева отсутствует шопенгауэровское понимание смерти как «аналога Нирванны, Ничто», пришла к спорному выводу о том, что «пессимизм Тургенева оказывается еще более глубоким, чем у Шопенгауэра» [7, с. 159]; Т.Б. Трофимова, систематизируя шопенгауэровские реминисценции в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева, пришла к выводу об амбивалентной их репрезентации в поэтике писателя, выразившей «философский эклектизм» [14, с. 5] его мировоззрения.

Тезис о «философском эклектизме» в мировоззрении И.С. Тургенева созвучен позиции В.М. Головки, утверждавшего, что «роль и значение философских “штудий” И.С. Тургенева в его творческом процессе нельзя преуменьшать, но в такой же мере — и преувеличивать», ибо «в любом случае он не был “последователем” философских систем» [6, с. 9]. Солидаризуясь с данными рассуждениями ученых, мы приходим к выводу о том, что нецелесообразно искать личностные источники воздействия на миропонимание И.С. Тургенева, так как, установив их, обнаружим непродуктивность методов компаративистики при исследовании его поэтики вследствие уникально-авторского переосмысления этих влияний. Вообще, используя данную методологию, мы рискуем при исследовании литературных феноменов замкнуться на авторской психологии, понимаемой как имманентно-замкнутая самобытно-творческая

монада. И в итоге подспудно (даже для самих себя), перейдем на живописание литературного процесса как «истории генералов» [14, с. 270].

Для реализации системного подхода, как к отдельному произведению или наследию того или иного автора, так и к литературному процессу в целом, нам представляется методологически уместным использовать *принцип имманентного диалогического соответствия мировоззренческой позиции автора ментальной модели современной ему социокультурной среды*, выполняющей функцию *основы его художественного миромоделирования*. В сущности, принцип имплицитной репрезентации ценностей и идей современной автору социокультурной среды созвучен рассуждениям М.М. Бахтина о «жизни текста» в диалогическом контексте «большого» и «малого» времени, а также рассуждениям Ю.Н. Тынянова о значимости для литературы контекста «соседних культурных, бытовых в широком смысле, социальных рядов» [14, с. 270].

По нашему мнению, использование принципа социокультурной среды как основы художественного миромоделирования при исследовании поэтики «*Senilia*. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева означает актуализацию интерпретационного кода декадентской модели мира. Характерно, что ученые, анализирувавшие это произведение, осознавали значимость подобного подхода, о чем свидетельствует многократный опыт характеристики традиций Шопенгауэра в поэтике «*Senilia*» [2–4; 12–13]. Однако декадентство отнюдь не исчерпывается философскими системами Шопенгауэра и Ницше, которые, безусловно, оказали сильнейшее воздействие на декаданс как на социокультурную модель мира и репрезентирующий ее тип творчества рубежа XIX–XX вв.

Трактуя декаданс в *историко-типологической перспективе* как картину (модель) мира, *репрезентировавшуюся в эпохальном типе менталитета и типе творчества*, мы систематизируем следующие его качества.

Декаданс как выражение кризисного мироощущения представляет собой переходно-промежуточную фазу российско-европейского культурно-исторического процесса между двумя парадигмами (ментальными моделями) мироздания: классической — универсально-детерминистской, сформировавшейся в XVIII в., и неклассической, начинающейся в начале XX в.

В «плавильном тигле» Первой мировой войны для Европы был уничтожен *просветительский миф о человеке*, базировавшийся на культе идей рационализма, каузального влияния среды при воспитании личности, тождества научно-технического и морального прогресса.

Но расшатывание непоколебимости просветительского мифа о человеке началось еще в 1860-е гг., свидетельством чего в Европе служит творчество поздних викторианцев (Д. Элиот, Т. Гарди), поэзия Теннисона и Браунинга, культурологические работы Д. Рескина, У. Пейтера, творчество П. Мери-ме, Г. Флобера, Ш. Бодлера; в России — позднее творчество Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, поэзия Ф.И. Тютчева, А.А. Фета.

В России мирочувствование рубежа XIX–XX вв. было «типологически подобно западноевропейскому Ренессансу» [9, с. 82], отмеченному реконструкцией идей циклизма, кризисом христианства, креативным логоцентризмом панутопической культуры. Взамен прогрессизма реконструируется циклизм, что наглядно отразил витализм Шопенгауэра и Ницше. Кризис христианства проявляется в увлечении оккультизмом и спиритизмом, а также в культивировании гедонизма и волюнтаризма человека-индивидуалиста.

Эстетическим выражением идеи относительности истины в эпоху декаданса становится «кластер», «пучок» одновременно возникших художественных направлений, течений и стилей. Впрочем, их появление — отражение демиургических притязаний автора в условиях кризиса христианства, посягающего на творчество новых форм — и в искусстве, и в жизни. Эскапистским выходом из кризиса духовно-интеллектуальной самоидентификации становятся как различные утопические проекты, так и театральное-игровое обращение — и в жизни, и в творчестве — к различным эпохам (Античности, Средневековья и др.), которые выступают заимодавцами ценностей и идей, не обнаруженных в современности. Автор, состязаясь с метафизическим Творцом, через формотворчество в искусстве, художественной демиургии и теургии которого он придает онтологический статус, начинает не только притязать на роль единственного носителя сокровенной истины, как было в романтизме начала XIX в., но и на утопическое «пересотворение» мира.

Тип творчества, в котором «истинной» реальности искусства придавался бытийный статус, возник отнюдь не в романтизме. Его истоки — в аллегорическом (символическом) искусстве Средневековья и в высоком барокко; позднее подобный тип творчества будет реконструирован в символизме, эстетизме, акмеизме, футуризме, направлениях и течениях авангарда и неоавангарда.

В реконструкции романтического типа творчества, основанного на концепции бытийного статуса эстетической истины и художественной реальности, пересотворяющей мир, находятся истоки мистико-утопических притязаний, как французских, так и русских «декадентов» и «теургов» [9, с. 104–148]. В доказательство этому отметим, что стихотворение И.С. Тургенева «Лазурное царство», воссоздающее счастливый сон героя о «волшебных, полупрозрачных островах с отливами драгоценных камней, яхонтов и изумрудов» [1, с. 152], в России 1900-х гг. служило основой для популярной эстрадной мелодекламации под музыку А.С. Аренского [1, с. 501]. По сути, это стихотворение представляет собой отлитую в форму притчи утопию, восходящую к античным мифам об островах блаженных. Так, мистический утопизм тургеньевских «Senilia» органично вписался в социокультурную среду декадентствующего Серебряного века. В связи с этим знаковым является факт развития «традиций “Senilia” в прозе символистов... Ин. Анненского, В Брюсова, А. Белого, Ф. Сологуба» [10, с. 4]. Итак, в 1870-е гг. процессы, которые впоследствии определяют сущностные черты декаданса как типа творчества, только заявляют

о себе, проявляясь как интенции социокультурной среды. Но именно они явились основой художественного миромоделирования «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева. В связи с этим концептуально значимы авторские названия, данные циклу, — «*Senilia*» (от *лат.* «старческий») и «*Posthuma*», что в переводе с латинского означает «посмертное». Оба авторских наименования, выражающих доминирующую в цикле «тему приближающейся смерти» [8, с. 8], представляющую собой своеобразный итог экзистенциальных раздумий позднего, отягощенного неизлечимым недугом И.С. Тургенева, отсылают читателей — посредством латыни — к культурному коду Античности с его циклизмом, пантеизмом, калокагатией. Однако эти названия впоследствии при содействии М.М. Стасюлевича «трансформировались в “Стихотворения в прозе”» [3, с. 74], и название цикла было очищено от заявленной автором экзистенции смерти, понятой в ценностной парадигме Античности. Вместо этого была акцентирована рецепция романтической традиции, так как форма стихотворения в прозе сложилась во французском романтизме; ее первая декларация — книга А. Бертрана «Гаспар из тьмы» (1842).

Определяя черты жанровой поэтики стихотворения в прозе, как правило, говорят об очевидных качествах — краткости, субъективности, концентрированной эмоциональности, бессюжетной композиции, отсутствии рифмы и ритма. Однако структурообразующим признаком — жанровой доминантой стихотворения в прозе является его *принципиальная фрагментарность*, призванная выразить бытийную значимость сиюминутного переживания как остановившегося мгновения вечности. В связи с этим уместно вспомнить программный статус жанра фрагмента в поэтике немецких, особенно иенских, романтиков, для которых фрагмент — единственно возможный способ передать бесконечность абсолюта (идеала, истины) посредством словесного творчества. Именно поэтому стихотворение в прозе — *комбинаторный жанр, синтезирующий элементы различных жанровых инвариантов*. И причина этого отнюдь не в «реакции на... поэтику “большого стиля” классицизма, литературной “готики”» [11, с. 8].

Истоки комбинаторности стихотворения в прозе — в его генетической связи с восходящей к романтизму формой фрагмента, базировавшейся, особенно в немецкой рецепции, с которой И.С. Тургенев был знаком как профессиональный филолог и убежденный «западник», на *принципе универсальности*, заключающемся в синтезе инвариантов различных жанров словесности, видов искусств, моделей мировой культуры. Таким образом, основой художественной реальности «*Senilia*» И.С. Тургенева явился романтический тип творчества, специфически переосмысленный автором через призму становящихся ценностей и идей декаданса.

Поэтому попытки определить «циклообразующий принцип» «*Senilia*», исходя из актуальных для реализма критериев тематики, проблематики, «ложной хронологии» и «телеологичности» [3, с. 72–78], оказываются не вполне

целесообразными, так как именно социокультурная среда декаданса определила особенности организации миниатюр в единый цикл. Сущность этой организации заключается в обращенном к «доброму читателю» призыве И.С. Тургенева «не пробегать стихотворений сподряд... но читать их враздробь» [1, с. 125]. И смысл этой тургеневской фразы не только в культивировании творческой свободы, как автора, так и читателя, значимом для романтической эстетики.

Тургеневские авторские рекомендации нацелены на то, как читателю избежать скуки. Для романтиков скука — это не только отрицательная эмоция, выражающая отсутствие интереса к активной деятельности (нередко вследствие отсутствия смысла жизни), но и бытовое проявление inferнального начала. В связи с этим уместно вспомнить весь комплекс негативных умонастроений и чувств декаданса. Литература декаданса суггестивна, она внушает читателям пессимистические настроения благодаря лейтмотивному звучанию (вариативному повторению) мотивов тоски, упадка, разочарования, поэтизации смерти как избавления от бессмысленности бытия.

Тожественную лейтмотивную структуру имеют тургеневские «Стихотворения в прозе», в которых *роль циклообразующего фактора* играет *контрапункт двух мотивов* — *мотива смерти* и *мотива тайны*, при безусловном crescendo мотива смерти к финалу цикла. Заметим, что данные мотивы имеют программный статус в романтизме с его онтологическим феноменом двоемирия как сущности человеческого существования, выражающейся в неизбывном противостоянии земной реальности и идеала как абсолюта.

Специфика декадентской интерпретации противостояния идеала и реальности, как и прочих аспектов романтического типа творчества, обусловлена тем, что идеал утрачивает метафизическую глубину абсолюта, иными словами, *утратой религиозной веры*. В вопросах веры И.С. Тургенев не был ортодоксален; мы согласны с мнением В.М. Головки, доказавшим, что «онтология Тургенева со всей очевидностью не вписывалась в христианскую модель мира», но находилась под влиянием натурфилософии И.В. Гете [6, с. 14]. Действительно, позиции русского писателя близка натурфилософская концепция И.В. Гете. Но применительно к «Senilia» речь идет о противостоянии саркастичного скепсиса и безграничной надежды, жажды Епифании («Христос»), т. е. *о релятивизме в вопросах религии и веры*, с которых начнутся декадентские богоотрицание и теургия.

В связи с этим отметим частотность использования в «Senilia» формы сна, значимой для романтиков, ибо сон — это приоткрытая дверь в потустороннюю реальность идеала. В «Стихотворениях в прозе» форму сна имеют миниатюры «Соперник», «Два брата», «Старуха», «Конец света», «Насекомое», «Лазурное царство», «Христос», «Природа», «Встреча». Во всех этих произведениях дается вариативное развитие лейтмотивов тайны смерти и жизни человека, возможности потустороннего существования, ограниченности человеческого

знания и божественного всеведения, гармонии абсолюта и тоски человека по идеалу (покою).

Мотивы смерти и тайны, будучи структурообразующими в «Senilia», включают в себя ряд лейтмотивов, система которых создает гармоническое единство тургеневского цикла. Итак, *контрапункт доминантных мотивов смерти и тайны* включает в себя пять циклообразующих лейтмотивов, обозначим их.

Во-первых, лейтмотив *тайны России и загадочной души русского народа* («Деревня», «Маша», «Чернорабочий и белоручка», «ЩИ», «Два богача», «Сфинкс», «Повесить его!», «Русский язык», «Проклятие», «Мои деревья»).

Во-вторых, лейтмотив *неизбежности смерти (как свершения судьбы человека) и тайны загробной жизни* («Старуха», «Соперник», «Последнее свидание», «Насекомое», «Лазурное царство», «Старик», «Камень», «Завтра», «Что я буду думать?», «Как хороши, как свежи были розы...», «О моя молодость, моя свежесть!», «Когда меня не будет», «Песочные часы», «Я встал ночью», «Когда я один. Двойник»).

В-третьих, лейтмотив *пантеистического существования природы как вечного обновления и человека как одухотворенного праха* («Разговор», «Собака», «Воробей», «Necessitas, vis, libertas. Барельеф», «Два брата», «Голуби», «Природа», «Морское плавание», «Мы еще повоюем», «Дрозд», «Без гнезда», «Чья вина», «Куропатки», «Попал под колесо», «Уа-уа»).

В-четвертых, лейтмотив *тоски по утраченному Богу и жажды Епифании* («Старик», «Конец света», «Нимфы», «Христос», «Монах», «Молитва»).

В-пятых, лейтмотив *суетности, бренности, пустоты и никчемности земного человеческого существования*. Этот восходящий к романтизму лейтмотив, взаимодействуя с интенциями социокультурной среды декаданса, дробится на *шесть лейтмотивов*: 1) *краткость земной славы, благополучия и величие человеческой души* («Нищий», «Милостыня»); 2) *диалектика добра и зла, борец страстей как выражение тайны человека* («Роза», «Эгоист», «Враг», «Встреча»); 3) *трагизм земного пути человека* («Услышишь суд глупца», «Два четверостишья»); 4) *маскарад толпы* («Черепка», «Н. Н.»); 5) *подлость, ничтожность, меркантильность человека* («Довольный человек», «Житейское правило», «Дурак», «Восточная легенда», «Корреспондент», «Пир у верховного существа», «Близнецы», «Гад», «Писатель и критик»); 6) *самоотверженное служение идеалу, жертвенность и величие человека* («Памяти Ю.П. Вревской», «Порог», «К**»).

Таким образом, мы предложили интерпретационную модель лейтмотивной структуры «Senilia» И.С. Тургенева, возникшей на пересечении романтической традиции социокультурной среды декаданса, подчеркнув, что целостное осмысление мотивной структуры этого цикла И.С. Тургенева — предмет отдельного исследования.

Библиографический список

Источники

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978.

Литература

2. *Астащенко Е.В.* Симптоматика «болезни времени» в повести И. Тургенева «Клара Милич» // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 380–383.

3. *Бурмистрова Ю.Д.* «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и проблема циклообразования // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2018. № 4. С.72–80.

4. *Гершензон М.О.* Мечта и мысль Тургенева. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. 170 с.

5. *Головкин В.М.* «Постепенность снизу» как выражение позиций демократического просветительства И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 8–17.

6. *Головкин В.М.* Натурфилософские идеи И.В. Гете в творческой рецепции И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 8–19.

7. *Киселева Е.А.* Шопенгаурианские мотивы в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 4 (32). С. 150–161.

8. *Невзоров Н.К.* И.С. Тургенев и его последние произведения: «Стихотворения в прозе» и «Клара Милич». Казань: Университетская типография, 1883. 25 с.

9. *Павлова О.А.* Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005. 695 с.

10. *Першукевич О.Б.* «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и развитие русской «малой прозы» начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1999. 24 с.

11. *Рыбина М.С.* «Senilia. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева и «Гаспар из тьмы» А. Бертрама: поэтика жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2011. 23 с.

12. *Сакулин П.Н.* На грани двух культур. И.С. Тургенев. М.: Мир, 1918. 103 с.

13. *Трофимова Г.Б.* Литературные и философские реминисценции в цикле «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева (к проблеме поэтики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2004. 24 с.

14. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. М.: Наука, 1977. 574 с.

References

Istochniki

1. *Turgenev I.S.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. M.: Nauka, 1978.

Literatura

2. *Astashhenko E.V.* Simptomatika «bolezni vremeni» v povesti I. Turgeneva «Klara Milich» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2015. № 6 (55). S. 380–383.

3. *Burmistrova Yu.D.* «Stixotvoreniya v proze» I.S. Turgeneva i problema cikloobrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaya filologiya. 2018. № 4. S.72–80.
4. *Gershenson M.O.* Mechta i my'sl' Turgeneva. M.: T-vo «Knigoizdatel'stvo pisatelej v Moskve», 1919. 170 s.
5. *Golovko V.M.* «Postepenovstvo snizu» kak vy`razhenie pozicij demokraticeskogo prosvetitel'stva I.S. Turgeneva // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie. 2017. № 2 (26). S. 8–17.
6. *Golovko V.M.* Naturfilosofskie idei I.V. Gete v tvorcheskoj recepcii I.S. Turgeneva // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovo obrazovanie. 2015. № 4 (20). S. 8–19.
7. *Kiseleva E.A.* Shopengaurianskie motivy` v «Stixotvoreniyax v proze» I.S. Turgeneva // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki. 2014. № 4 (32). S. 150–161.
8. *Nevzorov N.K.* I.S. Turgenev i ego poslednie proizvedeniya: «Stixotvoreniya v proze» i «Klara Milich». Kazan`: Universitetskaya tipografiya, 1883. 25 s.
9. *Pavlova O.A.* Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-x gg. v kontekste otechestvennoj kul'tury`. Volgograd: Volgograd. nauch. izd-vo, 2005. 695 s.
10. *Pershukevich O.B.* «Stixotvoreniya v proze» I.S. Turgeneva i razvitie russkoj «maloj prozy`» nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. M., 1999. 24 s.
11. *Ry`bina M.S.* «Senilia. Stixotvoreniya v proze» I.S. Turgeneva i «Gaspar iz t`my`» A. Bertrana: poe`tika zhanra: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. M., 2011. 23 s.
12. *Sakulin P.N.* Na grani dvux kul'tur. I.S. Turgenev. M.: Mir, 1918. 103 s.
13. *Trofimova G.B.* Literaturny`e i filosofskie reminiscencii v cikle «Stixotvoreniya v proze» I.S. Turgeneva (k probleme poe`tiki): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. SPb., 2004. 24 s.
14. *Ty`nyanov Yu.N.* Poe`tika. Istorija literatury`. M.: Nauka, 1977. 574 s.

O.A. Pavlova

Sociocultural Environment of Decadence as the Basis for World Modelling in I.S. Turgenev's «Senilia»

The article features a conceptual comparative analysis of the romantic vs. decadent type of creativity. The author argues that the world modeling in «Senilia» is based on Turgenev's rethinking of the so called canons of romantic poetics in the context of the system of decadent ideas and values, decadence regraded as the way of understanding the world, expressing the current sociocultural trends in the Russian history of the 1870–1880s.

Keywords: decadence; mentality; pantheism; counterpoint; keynotes.